

Шаламова Ольга Александровна

аспирант кафедры философии ЮРГТУ
dom-hors@mail.ru**ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД
В СОЦИОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ И МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ****Аннотация:***Исследуется становление и развитие гендерного подхода в социологии, в том числе процесс институализации гендерных исследований в нашей стране.***Ключевые слова:***социология, модели исследования, гендерные отношения.*

Shalamov Olga Aleksandrovna

PhD student of philosophy department, SRSTU
dom-hors@mail.ru**GENDER APPROACH IN SOCIOLOGY:
A THEORETICAL ANALYSIS
AND MODELING DATA****Summary:***We investigate the formation and development of a gender perspective in sociology, including the process of institutionalization of gender studies in our country.***Keywords:***sociology, research models, gender relations.*

Исследования гендерных отношений постепенно становятся неотъемлемой частью большинства гуманитарных наук. Мировая социологическая наука, которая в России до сих пор в некоторых случаях именуется «западной», инкорпорировала гендерный подход в свои дисциплинарные рамки [1].

Отечественная социология в настоящее время находится в стадии включения гендерного подхода в методологию, теорию и область эмпирических исследований. Новизна гендерного подхода в российской социологии имеет институциональный и когнитивный характер, его развитие подразумевает социологически информированный анализ становления гендерных исследований как на Западе, так и в отечественной науке.

В принципе, можно сказать, что всякая социологическая теория предполагает некоторую интерпретацию социально организованных отношений между полами. Обсуждение женственности и мужественности, и их соотношения мы можем найти у Зиммеля, Парсонса, Маркса и Дюркгейма, Гидденса, Хабермаса и Бурдьё, Лумана, Гофмана и многих других. Концепция общества и социальной структуры определяет интерпретацию гендерных отношений в рамках этой концепции. В рамках классической и постклассической социологии вплоть до середины 1970-х гг. термины «гендер» и «гендерные отношения» не употреблялись, интересующая нас область социальной реальности анализировалась в терминах отношений между полами. С другой стороны, обсуждая отношения между полами, социологи часто выходили за пределы профессионального канона, а рассуждения о поле, в конечном счете, сводилось к постулату о базовой биологической дихотомии между мужчиной и женщиной. Такую позицию принято называть биологическим детерминизмом или эссенциализмом.

Термин «гендерный подход» возник в социологии в 1970-е гг. Он формировался как оппозиция исследованиям отношений между полами. Существует много интерпретаций гендерного подхода в социологии. Одним из самых распространенных является следующий: гендерный подход – это анализ отношений власти, организованных на основании культурно-символического определения пола. Культурно-символическое определение пола (то, что называется гендером) – это комплексная характеристика статуса, которая возникает на пересечении множества признаков индивида и/или группы. Таким образом, гендерный подход представляет собой один из вариантов стратификационного подхода, в котором всегда существует тезис об отношениях господства-подчинения, о неравном распределении ресурсов по признаку приписанного пола, исключения-признания людей, которых общество относит к разным категориям пола. Гендер становится многоуровневой категорией социального анализа, которая «работает» на уровне анализа межличностных отношений, идентичности, системном и структурном уровне [2]. Гендерные исследования опираются на адаптацию социальной теории к проблематике социальных отношений между полами.

Ситуацию становления «женских» и гендерных исследований в нашей стране имеет смысл рассматривать в двух взаимосвязанных между собой ракурсах: формирования дискурсивного пространства и образования институций.

Институционализация гендерных исследований в России стала важным фактором преобразования научной и образовательной среды.

По мнению Е. Здравомысловой и А. Темкиной перспективы институционализации отечественных гендерных исследований следует рассматривать как сосуществование двух стратегий – автономизации и интеграции. Автономизация предполагает «создание относительно замкнутого сообщества исследователей, занимающихся данной проблематикой, но принадлежащих к разным дисциплинам. Цель таких стратегий – выработка общего понятийного аппарата и языка, постоянная поддержка исследовательской сети, создание собственных каналов научной коммуникации».

Формами автономизации является появление специализированных журналов, проведение тематических конференций, летние школы. Интегративная стратегия институционализации предполагает «включение тематики в основное русло общественного дискурса в соответствии с научным дисциплинарным разделением, что означает, например, публикации в основных научных изданиях, участие в общенаучных конференциях» [3].

Таким образом, как показывает данное описание, процесс институционализации гендерных исследований в нашей стране протекает весьма интенсивно, хотя и не без трудностей, которые существуют в становлении «гендерного дискурса» в отечественном гуманитарном знании.

В качестве факторов, способствовавших продвижению гендерных исследований в России, некоторые исследователи, например, называют следующие: фактор глобализации, взаимодействие с женскими политическими и социальными организациями, в том числе и европейскими, что «постепенно стало обеспечивать инфраструктуру интеллектуального обмена»; формирование новых образовательных структур, оказавшихся более открытыми для гендерной тематики, чем традиционные научные и образовательные учреждения; интеллектуальная и финансовая поддержка западных фондов и исследовательских организаций (в ситуации кризиса института науки в России это позволило не только участвовать в жизни международного научного сообщества, получать доступ к профессиональной литературе и другим источникам научного роста, но и создало условия для материальной заинтересованности российских научных чиновников в поддержке «гендерных» начинаний); получение «гендерными» институциями государственной поддержки [4].

Как следует из предшествующего изложения процесс развития «женских» и гендерных исследований в нашей стране, хотя и может быть представлен как поступательный, включает в себе различные тенденции и стратегии институционализации. Вообще, отсутствие гомогенности этого интеллектуального пространства не является российской спецификой. Однако этот фактор можно оценить также и как характерную черту периода становления нового направления в науке, когда в свете задачи мобилизации и объединения, проблемы интеллектуального самоопределения оказываются менее значимыми [5].

В последнее десятилетие мы являемся свидетелями и участниками изменения дискурсивной ситуации: российский (теоретический) дискурс становится открытым, он находится в состоянии усвоения и восприятия множества социальных теорий самого разнообразного происхождения. Такая «дискурсивная всеядность» компенсирует «дефицит» советского периода, когда многие традиции, создававшие почву для феминистской критической теории, были маргинализированы. Российская дискурсивная ситуация имеет выраженный когнитивный эффект. Он заключается в сосуществовании и наложении друг на друга теоретических моделей, концептов и категорий, выросших в других контекстах.

В области гендерных исследований разные парадигмы также развиваются одновременно – поло-ролевой подход сосуществует с его радикальной критикой, социально-конструктивистские исследования проблематизируют категорию женского опыта, который еще не стал устоявшимся предметом исследования. Дискурсивная открытость означает освоение и ревизию текстов, написанных на основе иного опыта в условиях пересекающихся дискурсивных потоков. Только начинающееся становление социологии гендерных отношений уже проблематизирует свои основания и претендует на междисциплинарность. В этом заключается упомянутый нами во введении когнитивный эффект новизны гендерного подхода в российской социологии.

Гендерный подход на Западе формировался как когнитивная практика женского движения. В России женское движение не является массовым и политически сильным, и тем не менее оно вырабатывает новые способы осмысления положения полов в обществе, а также формирует запрос на теоретическую разработку данной тематики. Не менее важной для формирования гендерных исследований в России является дискурсивная проблематизация гендерных отношений в период постсоветской трансформации. Масштабные социально-культурные и политические изменения российского общества в последнее десятилетие включают изменение статусных позиций различных социальных групп и категорий граждан. В сфере гендерных от-

ношений эти изменения приводят к таким явлениям, как изменение структуры семьи, изменение системы социальных гарантий, изменение положения женщин и мужчин в сфере экономики и политики и в приватной сфере. Проблематизация гендерных отношений в публичном дискурсе приводит к росту исследовательского и общественного интереса к тематике.

В ситуации дискурсивной открытости и проблематизации гендерных отношений именно социология оказывается сензитивной (чувствительной) к гендерным исследованиям, в рамках которой «гендер» и «различия полов» становятся «полезными категориями анализа». Становление гендерного подхода происходит посредством выбора исследовательской стратегии, предполагающей выбор некоторой теории, методологии и методов исследования.

Постсоветское «женское движение» поддержало институционализацию такой дисциплины, как феминология – российский аналог исследований женщин. Ряд исследователей считает, что именно феминистки ввели в российскую дискуссию термин гендерные исследования. В настоящее время жесткое разделение двух направлений и исследовательских подходов утрачивает свое значение. Расхождения в интерпретациях гендерного подхода уступают место консолидации единомышленников в рамках научного сообщества [6]. Несмотря на тенденцию, преодоления различий между двумя направлениями, которые отмечены в приведенном высказывании, можно попытаться зафиксировать различные тенденции в гомогенизирующемся пространстве «женских» и гендерных исследований, исходя из различия форм самоопределения и интеллектуальной саморефлексии. Эти формы определяются разным пониманием проблем и стратегий контекстуализации и легитимации своей научной деятельности; соотношения «феминизма», «женских исследований» и «гендерных исследований», научной и политической активности.

Прежде всего эти различия касаются социального самоопределения представителей «женских» и гендерных исследований. В качестве значимых инстанций при этом выступают женское движение, феминизм и академическое сообщество.

В качестве неблагоприятных социальных моментов для развития «женских» и гендерных исследований, называются отсутствие женского движения в качестве его социальной базы, господство патриархальных установок и зачаточное состояние феминистской рефлексии, а также тенденция «модернизации патриархального сознания» или, в другой формулировке, – тенденция «поиска культурных корней, которая в данном случае принимает форму дискурсивного возвращения традиционных половых ролей» (Е. Здравомыслова, А. Темкина) [4]. С этим связано неприятие феминизма, отождествление его с «мужененавистничеством», индивидуальной депривированностью женщин – инициаторов гендерных исследований, политической ангажированностью.

Вышеперечисленные факторы привели к тому, что гендерные исследования до сих пор зачастую рассматриваются в российском обществе как ориентированные на нежелательные изменения в сфере отношений между полами и, прежде всего, на разрушение института семьи [5]. В отношении этих моментов всех исследователей более или менее объединяет уверенность в том, что в ситуации отсутствия женского движения развитие «женских» и гендерных исследований создаст среду и будет способствовать в дальнейшем его формированию. Этому, как отмечают Е. Здравомыслова, благоприятствует обострение «женского вопроса» в процессе социально-экономических трансформаций, формирование социального заказа на «гендерную экспертизу» и спонсорская помощь со стороны западных фондов [4]. При этом, однако, значение феминизма для развития «женских» и гендерных исследований понимается по-разному.

Так, по мнению Н. Пушкаревой, начавшееся в начале 90-х гг. развитие гендерных исследований в России имело зачастую формальный характер и весьма неоднозначные последствия (в связи с отсутствием обсуждения новейших теорий и социальной базы в виде женского движения). С одной стороны, это развитие осмысливается как «переименование» «феминологии» в «гендерные исследования», лишившее первую опасных, с точки зрения научного сообщества, феминистских коннотаций [6].

Другой подход к проблеме представлен в работах А. Темкиной. «Гендер как термин выступает своего рода “зонтиком” для маркировки разного рода исследований, в том числе и феминистских. Идентификация исследований и исследователей происходит не по концепту, а по существу аналитических и критических ориентаций... В России исследователь гендерных отношений далеко не всегда идентифицирует себя с феминизмом, но вряд ли он(а) будет разделять откровенно патриархальные взгляды» [7].

Таким образом, с этой точки зрения опыт феминизма оказывается уже как бы встроенным в структуру теории, что, с одной стороны, делает необязательной политическую идентификацию с феминистским движением, однако, с другой стороны, в силу этой встроенности гендерные исследования могут выступать порождающей средой для феминизма. Существенным мо-

ментом является также и то, что А. Темкина обращает внимание на необходимость проблематизации патриархата в связи с тем, что объектом депривации в советской и постсоветской России являются не только женщины, но и мужчины. В соответствии с этим возникает и другое видение реализации гендерного подхода в образовательной практике [7].

Вторым параметром различения тенденций, существующих в дискурсивном поле отечественных «женских» и гендерных исследований, является для нас самоопределение их представителей в отношении способов легитимации интеллектуальной деятельности. Существующая здесь проблема связана с освоением концептуального аппарата «женских» и гендерных исследований и переводом возникшего на Западе интеллектуального багажа в отечественную языковую и научную практику, а также с осмыслением/преодолением существующих разрывов между ними и научной традицией/образовательной практикой/общественным сознанием. Пересаживание на нашу интеллектуальную почву концепций, сформировавшихся в иной социокультурной среде, не могло не выдвинуть на повестку дня вопроса о смысле и адекватности этого процесса, о предпосылках и трудностях, возникающих в его ходе. Этот вопрос возникает и в отношении нарождающихся в России «женских» и гендерных исследований. Вхождение в освобожденное от догматического диктата пространство отечественной науки разнообразных теорий создает в нем ситуацию («дискурсивной всеядности») (определение Е. Здравомысловой и А. Темкиной). Применительно к гендерным исследованиям это выражается, с одной стороны в том, что возникают новые варианты базовых понятий (например, наряду с понятиями «женские» исследования и гендерные исследования употребляются, с одной стороны, термины “women’s studies” и “gender studies”, а, с другой – «феминология», «гендерология» и т.д.). С другой стороны, сами базовые понятия помещаются в несвойственные им контексты, в результате чего происходит их пересемантизация [8]. Неструктурированность и методологическая размытость, о которых свидетельствуют описанные тенденции, порождают рефлексии об особенностях и смысле русских «женских» и гендерных исследований, об актуальности ведущихся на Западе теоретических дискуссий и правомерности применения понятийных схем к российскому опыту, о проблемах переводимости базовых понятий и правилах перевода.

Одна из точек зрения в отношении этих вопросов выражена в рассуждениях Н. Пушкаревой. Для нее развитие гендерных исследований в России не является эпигонством и «гонкой за лидером» в силу того, что «женская тема» существовали в советской науке (в частности, в историографии), несмотря на идеологический диктат [9]. С другой стороны, в ситуации «запаздывающей модернизации» Россия имела возможность использовать готовые результаты прогресса Запада. Таким образом, «одномоментное усвоение не совпадающих по времени теорий» (Э. Шоре, К. Хайдер) оказывается преимуществом, даже несмотря на то, что усвоение этих теорий «может происходить и довольно агрессивно, в том числе и в форме упрощений, схематизации, иногда даже профанизации знания» [10]. Таким образом, «рецептирование», которое «принимает подчас форму индивидуальной интериоризации отдельных концептов и освоения самих теорий через культурное “присваивание”» обретает в глазах Пушкаревой позитивный смысл. Он состоит в «стремлении запечатлеть собственный познавательный и культурно-исторический опыт», достижении большей связанности и меньшей разобщенности «исследователей теоретических основ и практической деятельности» и создании «внятного языка вместо калькирования западных понятийных категорий».

В отличие от представленной выше тенденции «социально-тематической» легитимации теоретической работы («история женщин» и женское движение) можно выделить тенденцию «парадигматическую», которая наиболее ярко представлена в рассуждениях И. Кона, Е. Здравомысловой и А. Темкиной. В их текстах интерпретация процесса освоения западных теорий связана не с задачами познавательного и культурно-исторического самовыражения и соединения теории с социальной практикой, но с проблемой создания условий для того, чтобы «быть понятым и услышанным на родном языке» [4]. Соответственно для них в процессе восприятия гендерных исследований в отечественном гуманитарном знании оказывается значимым их соотносимость с определенной исследовательской парадигмой и научными параметрами, тогда как наличие исследований пола в советском обществоведении не является залогом их легитимации [11, с. 166]. «Гендерным исследователям... приходится решать две задачи – не только задачу легитимации исследовательской области, но и задачу легитимации новейших социальных теорий» [7]. Под новейшими теориями Е. Здравомыслова и подразумевает конструктивистский подход и качественные методы, широко используемые в гендерных исследованиях, тогда как И. Кон мыслит эту легитимацию более традиционно – в терминах дисциплинарной адекватности («надо заботиться... об адекватном дисциплинарном расчленении проблем и способов их постановки») и считает основополагающим для них направлением проблематизации «анализ наиболее очевидных и значимых социально-структурных, политико-экономических неравенств,

к восприятию которых наши люди лучше подготовлены своим прошлым марксистским образованием» [7]. Очень важно то, что научное пространство здесь представляется как многоуровневое, а теоретическая деятельность как социальное взаимодействие (педагогов и учащихся, авторов и читателей, «философов» и «эмпириков»), что выражается в постановке проблемы контекста, в котором то или иное высказывание, та или иная проблематизация оказываются осмысленными или, наоборот, неправомерными [7].

В связи с этим меняется и восприятие исторической перспективы становления гендерных исследований. Так, в постскрипуме к своим рассуждениям в рамках дискуссии о проблемах и перспективах становления гендерных исследований в России и СНГ некоторые исследователи ставят под сомнение вытекающий из ее рассуждений пафос их «запаздывания» по отношению к соответствующему процессу на Западе, как раз исходя из инаковости российского контекста, каковую еще также нужно осмыслить.

Наконец, третья форма саморефлексии представителей гендерных исследователей касается издержек легитимации нового направления гендерных исследований. Эта форма наиболее ярко выражена в работах С. Ушакина и Г. Зверевой. В них базовые понятия гендерных исследований рассматриваются сквозь призму их включенности в дискурсивные практики, утверждающиеся в постсоветском гуманитарном знании. Тем самым рассуждения о «дискурсивной всеядности» как характерной черте периода становления «женских» и гендерных исследований в России переводятся в план текстуальной рефлексии. Такой подход позволяет рассмотреть на примере конкретных текстов, в которых осуществляется перевод (в широком смысле этого слова) выработанного на Западе научного инструментария, стратегии авторов и трудности, возникающие в процессе реализации их намерений, а также увидеть, как переосмысленные понятия формируют новую реальность, оценить социальные эффекты тех или иных форм теоретической работы. Таковыми эффектами оказываются мнимая очевидность и омассовление знания. Они могут быть поняты как в результате «присвоения» и «приспособления к российской действительности» базовых концептов, включения их в познавательный арсенал – наряду с формами обыденного опыта – как элементов реальности, невнимания к их неоднозначности и зависимости их смысла от способа употребления и контекста [8, ч. 1, с. 281; 12, с. 3].

Показательным примером описываемого подхода является анализ судьбы понятия «гендер» в России, произведенный С. Ушакиным. Этот анализ показывает, как экспансия оппозиции пол/гендер в российском гуманитарном знании приводит к «смазыванию» ее аналитической ценности. Это связано со своего рода «субстанциализацией» гендера, с превращением этой категории из характеристики метода в характеристику объекта исследования («гендерные модели», «гендерное сознание» и т.д.). При таком словоупотреблении понятие «гендер» теряет свой (де)конструктивистский смысл, оказываясь инструментом описания отношений между полами, а пол в свою очередь выступает как нечто стабильное и неизменное. Разоблачая такой нерелексивный «терминологический импорт» категории «гендер» как «симптом колониального сознания... с его неверием в творческие способности своего языка, с его недоверием к собственной истории и к собственным системам отчета», С. Ушакин определяет сложившуюся ситуацию как «гендерный тупик» [13]. В данном случае речь идет не о том, чтобы отказаться от категории «гендер» как методологического маркера, но о том, чтобы оценить возможности языковых средств – «импортных» и «наших» – выразить соответствующее содержание и сохранить аналитический потенциал гендерного подхода.

Предложенный выше анализ позволяет довольно определенно представить различные модели исследовательской саморефлексии, которые естественно не покрывают ни все возможности такой саморефлексии, ни все смысловое многообразие текстов, на основе которых они были сформулированы. Эти модели могут, на наш взгляд, служить ориентирами для исследователей, которые оказываются включенными в дискурсивное пространство отечественных гендерных исследований. Это позволит более осознанно относиться к тем подтекстам, которые стоят за разными способами высказывания.

Отметим, что гендерный подход в современной России развивается в интеллектуальном климате эссенциализма и биологического детерминизма, которые сменяют в общественном дискурсе официальные декларации о всемогуществе государственного конструирования советского человека (мужчины и женщины). Таким образом, новый гендерный подход, который мы пытаемся развивать, пока противоречит основному направлению российского либерального дискурса. Этот культурный климат приводит к тому, что можно назвать институциональным эффектом новизны гендерного подхода. Он заключается в том, что гендерные и феминистские исследования (и соответствующие им структурные подразделения) рассматриваются как ориентированные на нежелательные изменения в сфере отношений между полами и, прежде всего, на разрушение семьи. Гендерный подход остается маргинальным в системе общественного

знания. Легитимность данной тематики по-прежнему невысока, академическое сообщество скептически относится к проблематике гендерных исследований.

Однако очевидна и другая тенденция: в настоящее время изучение гендерных отношений становится одним из элементов осмысления социальных преобразований в ситуации проблематизации оснований социологического знания. И это не только российская дискурсивная проблема. Социология гендерных отношений в условиях постмодернистского общества (как на Западе, так и России) существует в дискурсивном пространстве, которое подрывает ее основания и одновременно обогащает методологию, тематику и методы исследования.

Ссылки:

1. Смелзер Н. Социология. М., 2004 ; Гидденс Э. Социология. М., 2000 ; Giddens A. Sociology. Third Edition. Polity Press, 2007.
2. Giddens A. Sociology. Second Edition. Polity Press, 2003.
3. Scott J. Gender: A Useful Category of Historical Analysis. In: American Historical Review. 1986, № 91.
4. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб., 1996. С. 5–13.
5. Здравомыслова Е., Темкина А. Институционализация гендерных исследований // Гендерный калейдоскоп. М., 2001, С. 20–27.
6. Шнырова О. Проблемы восприятия гендерных исследований в академической среде (Иваново) // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. М., 2000. Вып. 2. С. 232–238.
7. Пушкарева Н. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования: учебное пособие. Харьков; СПб., 2001.
8. Жеребкина И., Пушкарева Н., Кон И., Темкина А. Обсуждение темы «Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР». URL: <http://www.gender.univer.kharkov.ua>.
9. Зверева Г.И. «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам и Ева. 2001. № 2. с. 238–278.
10. Пушкарева Н. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 21–24.
11. Азгжихина Н. Интервью // Женщина и визуальные знаки. М., 2000.
12. Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М., 2002.
13. Ушакин С. Пол как идеологический конструкт: о некоторых направлениях в российском феминизме. URL: <http://www.russ.ru/journal/ media/98-03-27/ushak.htm>
14. Ушакин С. «Человек рода он...»: знаки отсутствия // О мужественности. М., 2002. С. 12–20.

References (transliterated):

1. Smelzer N. Sotsiologiya. M., 2004 ; Giddens E. Sotsiologiya. M., 2000 ; Giddens A. Sociology. Third Edition. Polity Press, 2007.
2. Giddens A. Sociology. Second Edition. Polity Press, 2003.
3. Scott J. Gender: A Useful Category of Historical Analysis. In: American Historical Review. 1986, № 91.
4. Zdravomyslova Ye., Temkina A. Sotsial'naya konstruktsiya gendera i gendernaya sistema v Rossii // Gendernoye izmereniye sotsial'noy i politicheskoy aktivnosti v perekhodnyy period. SPb., 1996. S. 5–13.
5. Zdravomyslova Ye., Temkina A. Institutsializatsiya gendernykh issledovaniy // Gendernyy kaleydoskop. M., 2001, S. 20–27.
6. Shnyrova O. Problemy vospriyatiya gendernykh issledovaniy v akademicheskoy srede (Ivanovo) // Pol. Gender. Kul'tura. Nemetskiye i russkiye issledovaniya. M., 2000. Vyp. 2. S. 232–238.
7. Pushkareva N. Gendernaya problematika v istoricheskikh naukakh // Vvedeniye v gendernyye issledovaniya: uchebnoye posobiye. Khar'kov; SPb., 2001.
8. Zherebkina I., Pushkareva N., Kon I., Temkina A. Obsuzhdeniye temy «Problemy i perspektivy razvitiya gendernykh issledovaniy v byvshem SSSR». URL: <http://www.gender.univer.kharkov.ua>.
9. Zvereva G.I. «Chuzhoye, svoye, drugoye...»: feministskiye i gendernyye kontsepty intellektual'noy kul'ture postsovetskoy Rossii // Adam i Yeva. 2001. № 2. s. 238–278.
10. Pushkareva N. Gendernyye issledovaniya: rozhdeniye, stanovleniye, metody i perspektivy v sisteme istoricheskikh nauk // Zhenshchina. Gender. Kul'tura. M., 1999. S. 21–24.
11. Azhgikhina N. Interv'yuy // Zhenshchina i vizual'nyye znaki. M., 2000.
12. Pushkareva N.L. Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost': Istoriya izucheniya «zhenskoy temy» russkoy i zarubezhnoy nauko. 1800–2000: materialy k bibliografii. M., 2002.
13. Ushakin S. Pol kak ideologicheskyy konstrukt: o nekotorykh napravleniyakh v rossiyskom feminizme. URL: <http://www.russ.ru/journal/ media/98-03-27/ushak.htm>
14. Ushakin S. «Chelovek roda on...»: znaki otsutstviya // O muzhestvennosti. M., 2002. S. 12–20.